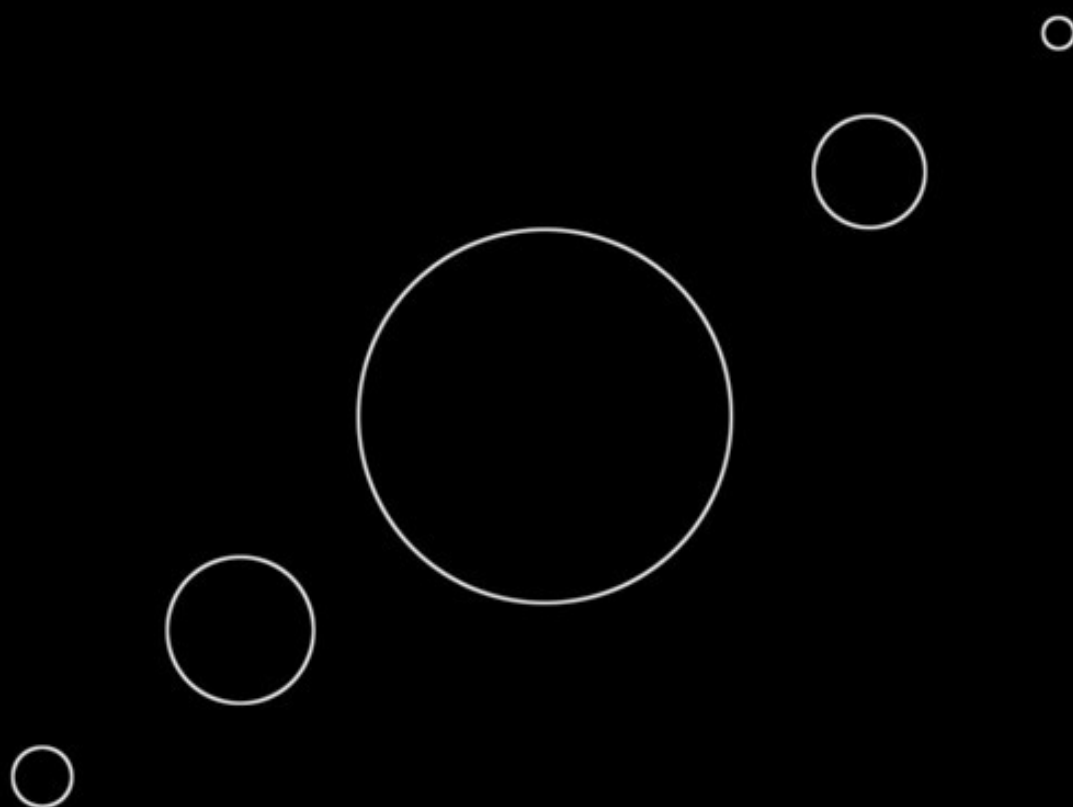

ЮПИТЕР.
ЮГО-ЗАПАДНАЯ СТОРОНА
АНАСТАСИЯ ГУМБЕРТ

V0026A11

Анастасия Гумберт

**Юпитер. Юго-Западная сторона.
Маленький сборник**

«Издательские решения»

Гумберт А.

Юпитер. Юго-Западная сторона. Маленький сборник /
А. Гумберт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937566-7

Я задумался. Умножил себя на ноль, умножил себя на единицу. Насколько оцениваешь себя, столько и получаешь. Они все умножали, делили себя на ноль, в этом была их главная проблема...

ISBN 978-5-44-937566-7

© Гумберт А.
© Издательские решения

Содержание

МАЛЕНЬКИЙ СБОРНИК	6
Его еще нет	6
Пролог	7
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	8
1	8
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юпитер. Юго-Западная сторона Маленький сборник

Анастасия Гумберт

© Анастасия Гумберт, 2018

ISBN 978-5-4493-7566-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАЛЕНЬКИЙ СБОРНИК

Его еще нет

Пролог

Открывай двери. Открывай окна. Доставай свой бумажник и высовывайся в окно. Выкинь всё, о чём думал целый день вчера и открывай своё сердце. Открывай сердце для новой мечты, для новой жизни, что начнется у тебя после того, как ты выпрыгнешь в окно. Лети, и ни о чём не думай. Вдыхай в себя запах этой новой весны, запах своего парфюма и страха. Успей состроить грёзы об удачном падении. Но, знаешь, его не будет. Я верю, ты станешь немного счастливее в другом мире, возможно, поверишь в себя и твой мрачный мир сойдет на нет.

На самом деле мне просто до чёртиков надоело возиться с тобой и твоей унылой рожей. Я ловлю твой бумажник, а тебя ловит воздух.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

В этот раз я хотел получить что-то более светлое, но...

Я стою у старого цветочного супермаркета и наблюдаю за парнем на той стороне дороги. Он перебирает в своих заледенелых руках что-то более нелепое, чем он сам. Я не могу рассмотреть, что именно, это легко умещается в его ладони и перекатывается с одних пальцев на другие. Волосы с правой стороны легко спадают на лицо и прикрывают почти половину. Потертая коричневая куртка с широкими плечами и рваные ботинки, – мне этого было больше, чем достаточно, чтобы понять, с чем я имею дело. Сидя на этих бетонных ступенях, он явно думал о чем-то, что давно уже перестало иметь смысл. Он беспрестанно прокручивал у себя в голове моменты, что покинули его жизнь, людей, что были в тех моментах, диалоги, встречи, взгляды, слова, так и не сказанные кому-то, пасмурное небо, колени девушки, старую квартиру, где был не одинок, потерянную сотню и свою потерянную мечту. Он думал, что у него больше ничего не осталось, казалось, ему больше не за чем существовать, он стал бессмысленным в этом мире, он утерял свои цели и себя. И вместо того, чтобы вспомнить, что вдохновляло его ранее, он вспоминал то, что убивало его.

Я знал это все наперед. Мне не нужно было сидеть и часами выслушивать унылые речи о том, насколько он несчастен и как много он упустил. Вся эта картина моментально вставала у меня перед глазами, стоило мне только мельком кинуть на него взгляд. Вся нелепость в том, что это понял бы каждый, стоило им хотя бы на немного отойти от своих призраков. Еще более нелепое было то, что это никому не было нужно.

Время поджимало и нужно было идти к этому парню. Я накинул свой любимый бежевый плащ на плечи, зажевал мятную жвачку и перешел дорогу. Минуты три я стоял прямо над ним и совсем не был замечен, думал, что было бы хорошо, если бы уже не надо было заводить никакой разговор и затевать разные игры, ведь его руки ничего больше не перебирали, а лишь неподвижно свисали с коленей.

Я опустил на корточки, он поднял голову и вздохнул.

– Нечего так вздыхать, парень.

– Почему я не должен этого делать?

– Потому что ты справишься.

– Справлюсь с чем?

– Со своими мыслями. Ты победишь их.

– Я так не думаю, скорее они меня, – он ухмыльнулся и покачал головой, – да уж, скорее они меня, верно...

– Я мог бы помочь тебе с этим. – Кто бы знал, как надоело мне, раз за разом, повторять одно и то же, все эти слова сочувствия и предложения помощи. Но деваться некуда, это всего лишь моя жизнь.

– Чтобы ты сделал?

– Помог тебе.

– Нет, чтобы ты сделал, чтобы помочь мне?

– Я бы остриг твои волосы и предложил выпить.

Он опустил взгляд, задумался, поджал губы. Включили фонари, теперь наши лица отчетливо виднелись друг для друга, и я рассмотрел шрам на его лице, на той самой стороне, что была прикрыта волосами. Мне совершенно не казалось, я видел, как он снова ушел в воспоминания. Я понимал, что вряд ли смогу его вытащить, если не получу никакой помощи.

В какой-то момент на пути к его дому пошел снег, он был настолько белоснежным, что под светом фонарей, казалось, все залилось солнцем. На что он сказал:

– Это снег от мертвых космонавтов.

Мне это очень понравилось, и я подумал, что в одиночестве тоже есть свои плюсы. Только в такие моменты ты можешь понять себя, но вопрос только в том, к чему приведет это понимание. Этого парня оно к хорошему не привело, но, если разобраться, его скорее разрушили воспоминания.

– Я помню слишком много, это мучает меня. Каждый день я вспоминаю разные вещи, которые не отпускают меня и делают мне больно. Они действительно причиняют мне боль так, словно они случились сейчас, именно в эту самую секунду, сердце сжимается, вот так, представляешь? – и он сжал свою ладонь в руках, он делал это снова и снова, пока я не остановил его. – Понимаешь, о чем я? Ты понимаешь меня? Ты вспоминаешь, как шел по холодной траве как-то ранним утром, знаешь, утренняя роса, такие капельки на маленьких травинках, а ты идешь, кеды уже мокрые насквозь, прохладно, но ты вдыхаешь этот приятный свежий воздух, а сейчас, куда бы ты ни шел, ты только и делаешь, что вспоминаешь, даже когда вдыхаешь такой же утренний весенний воздух, ты думаешь: «О, как здорово, воздух такой же, как тем утром».

Я не смел прерывать его ни на миг, это даже было мне и ни к чему. Мы сидели в коричневых старых креслах напротив друг друга, напольная лампа светила тусклым желтым светом, стоя сбоку между наших кресел, мы попивали пиво за задёрнутыми занавесками, будто пытались спрятать наши тела и наши разговоры. Моментами я забываю, что меня в любом случае никто не увидит.

– Или вот, к примеру, куришь в парке со своим другом, он на гитаре играет свои песни кой-какие, а ты болтаешь ногами, и тело твоё словно пропитано всем происходящим, тебе плевать, что ты занятия пропустил, тебе кажется это не нужным, а потом ты рыдаешь вот тут, сидя вот в этом кресле, что обратно хочешь, в школу, понимаешь ли, будто это все, что у тебя есть – желание быть там. Плачешь, как девчонка, убиваешься, думаешь, не упустил ли что. А время почему так быстро прошло? Мне сколько сейчас? Двадцать? А какого хрена? И вопросы все эти у тебя в голове бесполезные, пытаешься найти на них ответы, вместо того, чтобы думать, как дальше жить, чем заниматься, ведь молодой. А смысла не видишь, ты просто растерял его и даже не помнишь, когда. В какой момент все не так стало – тоже не понимаешь.

Ты смотришь на себя в зеркало и вроде не изменился. В этом и подвох. Ты не меняешься, а жизнь – да. Оставляет тебя где-то на платформе в чужом городе и думает, что сам справишься, раз не успеваешь за ней бежать. Жестоко поступает, а сказать ты ей ничего не можешь и догнать уже тоже не можешь. Так и стоишь, потерянный и раненный и, кажется, всё, что тебе остается, это воспоминания, колкие и ускользающие воспоминания. Они тоже умеют врать, да получше многих. Дают тебе только те кусочки, что задевают тебя до дрожи, даже если были самыми ужасными в твоей жизни, даже если убили тебя когда-то, ты обязательно вспомнишь их только с той стороны, с которой им будет удобнее, и это будет именно та сторона, которая ранит тебя, мол, это было лучшее, что с тобой случилось, чувак.

Я помню, как когда-то гулял с девчонкой, она по уши в меня влюблена была, а мне до жути это нравилось, она все, что угодно, могла для меня сделать, но я ничего не просил, мне просто нравилось вот так гулять с ней вечерами, разговаривать, зная, что я для неё значу, чувствовать эту хрупкую власть. Она была милая (ну, точнее, она и сейчас милая, только не здесь и не со мной) и все делала, чтобы мне понравиться. Музыка такую же начала слушать, одеваться по-другому, на гитаре училась играть, фильмы смотрела разные, какие мне нравятся, книги, а я все твердил ей, что она такая мне понравилась и нравится, только не в том смысле, в каком ей хочется, но она не верила. А время все шло и шло, и моя власть над ней ускользала, я пытался все вернуть, хотел все так же ей безответно нравиться, и жестоко поступил с ней,

когда дал ложную надежду, поцеловав ее. У нее, конечно, все снова вспыхнуло, хоть и не потухало, она даже подумала, что мы пара с ней, думала так, пока на следующий день мы в школе не столкнулись и я мимо просто так не прошел. Мне то это нравилось, я себя королем чувствовал, и после этого мы еще много раз гуляли, и она мне опять сказала, что любит. А я ей знаешь, что? «Не говори мне больше этого, ладно, просто пообещай не говорить». Вот так вот. Сейчас я в этом рваном кресле сижу с парнем, которого не знаю, да и знать не особо хочу, пиво пью, не учусь и работы нормальной нет, денег, соответственно, тоже, а она сейчас счастлива, и я эту всю боль почувствовал. Узнал как-то от знакомых, что она сюда приехать должна учиться и давай фантазировать, как мы с ней встретимся, как она скажет, что все еще любит и только из-за меня приехала в этот город. А потом фотографии ее посмотрел с парнем. Понял, что она действительно счастлива и я не имею никакого права жизнь снова ее рушить, лишь потому, что мне хочется, чтобы меня любил кто-то. Потом подумал, а вдруг люблю? Вдруг она то, что мне нужно, вытащит меня из этой ямы и я опять задышу? Мне бы просто встретиться, посмотреть на нее, я бы сразу все понял, слова бы ей не сказал, если бы ничего не почувствовал.

Сколько мне еще думать об этом? Может она и не приедет вовсе. Я вообще всех девчонок растерял, которым нравился. А мне это как воздух необходимо было, чувствовать превосходство, а теперь я еще больше никчемным себя ощущаю, чем раньше, потому что даже те, кто любил, ушли и я ни во что не верю. У меня больше нет юности, нет чувства вечности, ничего не осталось, кроме моего тела.

Но я одно теперь знаю наверняка – люди не могут боготворить нас вечно. Все проходит.

Уже под утро мы попытались заснуть, но у нас ничего не выходило. Из-за тонких занавесок проглядывал слабый свет восходящего солнца, мы лежали, укрывшись одним серым пледом, и наблюдали за этим пробуждением в тишине. Мне казалось, что солнце взошло и село уже много-много раз, прежде чем кто-то из нас начал разговор. Точно не помню о чем он, я был как в тумане, словно меня снова засунули поглубже, спрятали, заткнули мне уши, чтобы я не понял ни слова, нажали на кнопку и выключили; но кое-что я смог уловить и это что-то навело на меня панику. Он говорил о странных жителях своей сокрушительной души.

2

Было около семи вечера, когда мы, проснувшись, сидели на кухне и пили зеленый чай с виноградом.

Окно было открыто и морозный воздух плавно раскачивал листья цветка на подоконнике. Он ласкал его, нежно обволакивая со всех сторон, а тот был податлив и несчастен. У него не было выбора и не было других желаний. Он просто не знал, что можно по-другому. Он просто не знал, что можно умереть.

– Что это за цветок? – спросил я.

– Фикус же.

Тихий был вечер и разговор у нас начинался тоже тихо и хрупко.

– Ты вообще, чего до сих пор со мной сидишь? Нравится тебе, что ли, нытье мое слушать?

– Я же сказал, что исправить все должен в голове твоей.

– И как, получается?

– Ты не думай об этом, я под контролем держу тебя и мысли твои.

– Хочешь еще немного чего-нибудь расскажу? Я всегда один сам с собой болтаю, а тут ты. Голова страдает, надо опустошить.

– Я только за.

Он немного помолчал, закусив уголок нижней губы.

– Я силится об этом обо всем забыть, но память гнуло. Я думаю, что мое настоящее еще не настало. Кажется, оно проехало свою станцию и не знает, как обратно вернуться, потому что в какой-то момент я почувствовал себя, а потом снова только прошлое, прошлое, прошлое.

Когда ты уже заснул, я включил музыку, еле слышно, а ты сказал: «зачем так громко, мы спим, забыл?», я улыбнулся и выключил. Я начал вспоминать ту девушку, в игре с которой я так сильно перестарался. Мне ведь казалось тогда, что я здесь совсем ни при чем, что это не моя вина, не мои чувства – не моя ответственность. Так, стоп, я больше не хочу об этом, не хочу, дай мне выпить. Там. За холодильником.

Резко его глаза загорелись каким-то рассерженным огнем, он начал мотать головой из стороны в стороны, потом обхватил ее руками, уперся локтями на стол и начал громко дышать. Я знал, что это скоро пройдет, поэтому ничего не предпринимал. Но он все равно сказал:

– Все нормально, у меня просто эмоциональная неустойчивость. – И закурил.

Я носил на себе большую ношу. Я жил в мире многих людей, чья жизнь уходила под откос. Мне не было страшно, когда я наблюдал нервные срывы или самоубийства, и, уж тем более, я ничего такого не находил в бурном выплеске эмоций. Для меня было раз плюнуть выслушать историю о том, как кого-то намочил дождь и испортил ему весь наряд, о том, как жадный клиент не оставил чаевых, как девушка бросила, как часы не завелись, даже если все эти истории могли длиться несколько дней. Храня в себе столько людских переживаний и обид, я, верно, совсем обесценил чувства, и, так же, обесцениваются они у тех, с кем мне приходится встретиться. Даже если на это уходит много времени.

– Не хотелось бы ничего чувствовать, показывать, как слаб и унижен собственным состоянием. Из всего того, что меня задевает, я бы изменил только одно – я не хочу более, чтобы это меня задевало.

– Ты никогда не забудешь прошлого себя, единственное, что ты можешь сделать, так это отправиться на долгие и не легкие поиски себя настоящего или себя будущего. Просто иди. Не нужно думать, что ты мог бы идти этой дорогой иначе. Сейчас и здесь. У тебя есть выбор: или ты хочешь жить и идешь, или ты кончаешь с собой. Уныние порождает насильственные действия со своей душой.

Он тихо сидел и слушал, макая чайный пакетик в стакан с холодной водой.

Потом он включил Sexy Sushi «Et Alors», а я выключил свет, и мы начали танцевать. Ветер все так же задувал через окно, а мы танцевали и танцевали, на наших лицах проступал пот и растягивались улыбки. Ноги уже начинали подкашиваться и не слушались, но нам было плевать. Мы поймали эту волну и чувствовали медленно подступающее наслаждение. Мы поймали волну радости.

С этими же эмоциями мы прямо-таки выбежали на улицу, накинув на себя только куртки. Когда я еще надевал свое пальто, я бросил взгляд на часы: было больше полуночи. Было тихо и светло. На поблескивающий от фонарей и луны снег ложились тени домов, заборов, окон и наших тел. Мы легли на этот чистый и холодный снег прямо напротив подъезда. Казалось, все ниже и ниже опускались звёзды и всё вокруг нас ходило по кругу.

– У меня тело растворяется. Проваливается. Ты ничего такого не чувствуешь?

Я сказал, что чувствую, что мои ноги растут и я тоже расту. Я действительно все это чувствовал. Думал, что, если сейчас поднимусь, буду выше всех зданий в городе и дотронусь до коронованной мечты на небе.

– Если небо сейчас решит забрать меня, то мне станет очень грустно, потому что последним, о чем я думал, будет моя боль.

– У тебя нет никакой боли, ты все выдумал.

Легкий вздох его и снова...

– Я и мой старый друг сидели в самой обычной столовой, туда всегда приходили пообедать простые рабочие и школьники, но это была наша любимая столовая, мы любили есть там пироги с капустой и пить красный чай, вот так и в тот день мы сидели и пили чай вприкуску с пирожками и шоколадкой «mars», одной на двоих; сидели мы у окна и весеннее солнце придавало нам чувство защищенности и умиротворения. Это было как нельзя кстати, потому что в этот день мы только помирились, но то, что произошло, нельзя назвать ссорой, просто почему-то мы отошли друг от друга, на время потеряли свою связь, я был подавлен случившимся и поэтому в тот день был по-особенному счастлив и спокоен. Он рассказывал мне о своих переживаниях и о том, что случилось с ним за это время, я рассказал о своем немногом. Я так любил его, и он был тем, кого я потерял. В тот день он мне сказал: «Как хорошо вот так вот снова поговорить с тобой. Я чувствую огромное облегчение». И я, черт возьми, до сих пор думаю, как хорошо было разговаривать с ним!

Подъехала машина и свет фар заставил нас зажмуриться. В машине громко играла музыка, и гудел мотор. Фары светили, мотор оставался заведенным, музыка играла, и это заставило меня откинуться от света и посмотреть, но я ничего не увидел, в машине было пусто. Я поднялся и тогда увидел двух людей на заднем сиденье. Почему-то это заставило нас разозлиться, поэтому мы не сговариваясь встали и подошли к машине, я постучал в заднее окно и увлеченные друг другом молодые люди недоумевающе уставились на нас. Я постучал еще раз и парень, вздохнув, нехотя приоткрыл окно.

– Чего вам?

– Особо ничего, знаете, просто мы тут улечься пытаемся, а у вас свет яркий и музыка громкая. Отвлекает.

Они оба нахмурились, переглянулись. Больше ничего нам не сказав, парень закрутил обратно окно старой девятки и просто заглушил мотор. Потухли фары, исчезла музыка и снова только мы на этом белом полотне, с нашими пьяными затуманенными головами и монологами.

– Больше никого не удалось найти, с кем так же хорошо разговаривать?

– Еще в детстве удалось и очень удачно. Об этой дружбе я ничего говорить не хочу, не хочу портить, слишком она чудесна.

– А мне ни с кем никогда дружить не удавалось, я всегда менял людей и водился с разными, потому что мне хотелось новых историй, новых жизней, новых идей. Постоянно я был в поиске, сейчас вот тебя нашел.

– И что, когда меня кинешь?

– Я не кидаю, запомни. Вы сами уходите.

С трудом мы поднялись на девятый этаж и вернулись в квартиру, где было холодно от не закрытого на кухне окна.

– Завтра можно было бы тебе работу сходить поискать, – сказал я, но ответа мне не пришло, и мы молча улеглись в постель одетыми, потому что всё еще холод пробирал и даже одеяла долго не спасали, пока тепло, исходящее от наших тел, не распространилось под столь закрытым пространством и не начало греть не только изнутри. Под утро нас обоих стошнило. Меня стошнило прямо на пол и, проснувшись, мне вместо завтрака, пришлось убираться.

Всё время, пока я убирался, Марк провел в ванной. Когда я ушел на кухню, он вышел ко мне в белой чистой футболке, выбритый и с собранными в хвост волосами. Я лишь слегка одобрительно ухмыльнулся, и мы вместе стали готовить завтрак.

Мы приготовили гренки, сосиски в яйцах, сделали бутерброды с паштетом из гусиной печени и солеными огурцами, заварили чай и плотно поели.

– Хочешь куда-то пойти сегодня?

– Куда-то! – язвительно ответил Марк. – Искать работу кто-то предложил, нет?

Этот его шаг являлся намного большим, чем может показаться. Это значило, что он хочет быть готов к настоящему и будущему и готов расстаться с прошлым. Но день оказался не на нашей стороне.

Всё, что мы делали, это ходили из одной организации в другую и слышали шаблонное «мы Вам перезвоним».

Все эти люди снова перевернули спонтанное желание Марка, и он сидел на холодной снежной скамейке и впадал в припадки смеха. Я решил для себя, что, если на этот раз мне не удастся ничего исправить, – я выйду из игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.